

Том 1. Глава 6.

Мой способ окончания войны

Новая работа

Вернувшись в деревню, я немедленно поговорил с патриархом и решил, чтобы меня наняли.

Не то чтобы я думал об этом как об искуплении, но я решил сделать что-нибудь, чтобы уменьшить число жертв. Омар тоже пришел со мной.

Пытаясь обговорить с ним это, я уверял, что когда получу эту работу, ему не нужно будет сражаться, но он отказался с улыбкой на лице.

— Арата, ты еще не использовал настоящее оружие, не так ли? Командир должен быть на поле боя.

Не могу с этим поспорить. Я чувствовал благодарность и хотел однажды рассказать ему правду.

Немедленно начав организовывать новое подразделение, я собираюсь перестроить тактическое подразделение S, используя половину членов команды C. Соберу детей-солдат, которые бросили свои профессиональные обязанности со времен атаки и вернулись в деревню, и сформирую группу, которая будет соответствовать примерно двум тактическим подразделениям S.

Я сделаю всех этих детей, включая Джибрил, полезными. Так их не бросят или не продадут. Думаю, что если они будут полезны для обороны деревни, мне не придется использовать их в чрезвычайной ситуации. Для деревни они все равно что мусор на утилизацию, так что это будет легко уладить.

Когда я рассказал Омару об этом, он выглядел благодарным и сказал, что если так все и будет, то наша борьба действительно имеет смысл.

Разрешение было дано немедленно. Отец Джибрил поддержал меня.

Вечером, после распределения, во время которого я поблагодарил его за разрешение сформировать отряд, отец Джибрил проводил меня до крыльца.

— Я и не думал, что ты сделаешь из Джибрил не жену, а солдата.

— Так получилось.

После того как я сказал это, он похлопал меня по плечу, широко улыбаясь. Я не знал, о чем он думал в тот момент.

— Что ж, жена героя тоже должна быть героем.

Молча улыбнувшись, я подумал, что просто позволю ему выговориться.

После этого я побежал к Омару. Теперь мы жили вместе.

— Омар, нам дали разрешение.

Он похлопал меня по плечу, широко улыбаясь. Похоже, это был универсальный жест.

— Когда я услышал твой план, это показалось мне хорошей идеей. Но я задавался вопросом: все ли пройдет хорошо с получением разрешения. Тем не менее ты получил его. Ты действительно великолепен.

Я горько улыбнулся. Иногда Омар слишком перехваливает меня.

— Это было легко. Они переоценивают мои способности. Если быть точным, они считают, что мои навыки командира находятся на высоком уровне.

— Я считаю твои навыки действительно на высоком уровне, но что насчет их?

— Конечно, лучше всего было бы дать мне команду, но нашлись бы люди, которых не устраивало бы находиться в подчинение у чужеземца.

Омар обдумывал мои слова какое-то время, а затем кивнул. Также кивнув в ответ, я сказал:

— Поэтому они согласились создать другое подразделение под моим командованием.

— Это магия. Арата, ты сможешь продать пианино безрукому племени.

— Я признаю. Я плохой парень.

— Это была старая китайская поговорка.

— Тогда спасибо.

Мы вместе посмеялись, не издав ни звука.

Так или иначе, пока что я предотвратил роспуск детей. Это первый шаг. В дальнейшем я должен не дать этим детям умереть в перестрелках.

Карабкаюсь шаг за шагом, я добьюсь хорошего финала.

Пули и жизнь

Со следующего дня я немедленно начал сбор людей и снаряжения.

Иногда большое количество патронов гораздо лучше защита, чем здания или траншеи. Это спасет детей.

Когда солдаты находятся под огнем, они пригибают свои головы. Но в таком состоянии, даже если они будут отстреливаться, точность их стрельбы весьма сомнительна. Обе стороны обстреливают друг друга из-за укрытий. В этот момент важно, чтобы не было никаких жертв. В сегодняшних войнах это обычное дело, когда под пятью тысячами пуль не умирает ни один человек. Если появляется жертва, это значит, что противник не прятался. Такое происходит, когда у тебя заканчиваются боеприпасы или когда противник обходит тебя и отрезает от остальных.

С такой точки зрения, наличие приличного резерва боеприпасов может сохранить детей лучше, чем траншеи или любые другие укрытия. Вот почему я вложил все свои силы в

обеспечение их боеприпасами. Однако компромиссы неизбежны. Когда не так много патронов, нет другого выхода, кроме как банзай-атаки (Стремительное наступление. — Прим. пер).

Возле нашего с Омаром дома я сделал точку сбора боеприпасов и начал собирать их из различных мест.

Большинство из собранных боеприпасов были сделаны в Китае. Я слышал, что китайские бизнесмены добрались даже до этого региона. Учитывая растущее влияние Китая, я понял, что их звание мировой фабрики не было обманом. В любом случае я благодарен за собранные патроны. Тем не менее это был не тот уровень, к которому я стремился, поэтому и попросил Омара сократить использование боевых патронов во время тренировок насколько это возможно. Если у нас будет большое количество патронов, количество жертв уменьшится. Я хочу такое количество боеприпасов, что не было бы видно потолка и стен в месте, где они хранятся.

Будучи в раздумьях, я скрестил руки на груди. После чего кто-то позвал меня.

— Арата, здесь собирают боеприпасы? — сказала Джибрил, подойдя ко мне. Когда я снова увидел ее с оружием, мне захотелось отвести взгляд, но я смог перебороть это. Она держала коробку с боеприпасами в обеих руках.

С этого момента я не могу больше быть обманут никем и мне нельзя больше отворачиваться. С этого момента это история о нас: обо мне, Омаре и Джибрил.

С этого момента я не буду той стороной, которую обманывают. Я сам буду той, которая обманывает. Это повышение от плохого парня до истинного негодяя. Вот что я сказал себе.

— Джибрил.

— Да?

— Прости, что втянул тебя в это.

— Нет, все... благодарны. Нас не бросили или продали. Все хорошо. Мы не собираемся проигрывать взрослым, — сказала она, улыбаясь.

— Я доставил вам массу неприятностей.

— Все хорошо. Я поддерживаю тебя, Арата. — Когда она сказала мне это с улыбающимся лицом, я задумался, было ли мое решение правильным. Но, думаю, я должен продолжать верить в себя.

Создание карты

Приготовления продолжились.

Я не знаю, когда враг начнет вторую ответную атаку, но в любом случае, думается мне, до этого времени недалеко. В этот момент я подумал, что потратил слишком много времени, проводя свою жизнь в заключении. Я пожалел об этом. Я просто валял дурака. Какой же я эгоист.

Во время первой ответной атаки они использовали бомбардировку с воздуха, но на дне долины, в этой деревне, они не смогут нанести большого ущерба. После бомбардировки они, вероятно,

придут по земле. Совсем не похоже, что враг остановится только на атаке с воздуха.

Разумно предположить, что не будет странным с их стороны, если они решат просто устроить резню. Особенно после предательства изнутри.

За тренировки отвечал Омар.

Я решил переделать тактическую карту. У меня она была в голове, но у других — нет. Мне точно будет это нужно, чтобы отдавать команды.

У людей из деревни тоже нет карты окрестностей, поэтому я считаю, что увиденная мной карта должна быть сделана при помощи спутника или сфотографирована с воздуха. Как Google Maps. Я весьма уверен, что военные карты делают схожим образом.

В Японии я бы пошел в интернет кафе и распечатал бы в качестве альтернативы Google Maps. К сожалению, несмотря на то, что здесь есть горы, здесь нет интернет кафе. Вероятно, я бы все-таки не смог использовать этот способ, ведь такие малонаселенные области обычно представлены в маленьком разрешении. Я успокаивал себя, думая об этом.

К сожалению, у меня не было познаний в геодезии. Вот почему все началось так плохо. Но я слышал, что кто-то в деревне изучал этот предмет в центральном университете, и благодаря связям этот человек быстро явился передо мной.

Важные горные дороги контролируются компанией или американской армией. Вот почему я выбрал кратчайший крутой путь, по которому никто не ходил. Пройдя долину, я отправил посланника, который пересечет горы пешком.

Дядя одного из мальчишек из команды С, по имени Муджараф, сделал это меньше чем за пять дней. У него были впечатляющие усы и гораздо более современные познания в сравнении с остальными в деревне. Услышав мой план, вначале он нахмурился, но в конце концов согласился. По всей видимости, он придерживался точно такого же мнения по поводу желания сократить потери.

Он принес карту, которая в основном была скопирована с карт, оставленных армией бывшего Советского Союза. Он собирал их еще с университетских времен и принес мне, так как думал, что сделать карту (to survey for the map, to survey — производить съемку, производить землемерную съемку. — Прим. пер.) будет невозможно.

Я же думал, что сделать карту будет намного проще. Мне было стыдно из-за моего собственного невежества, и я был благодарен ему за его благоразумность. Тем более что у нас не было никакого копировального аппарата.

Карта была сделана в 60-е годы XX-го века. Я думал, что она была слишком старая, но, вероятнее всего, это была самая новая. Напуганный разницей в разведке между нами, моей компанией и американской армией, я все же оценил тот факт, что моя память могла компенсировать недостающие части.

Жалобы делу не помощник.

Обсуждение с патриархом

Часто посещая жилища патриарха и Джибрил, я встречаюсь с ними по поводу различных договоренностей.

Патриарх, которого по моей бизнес-терминологии можно назвать ОО-менеджером, говорит, что будет драться до последнего солдата. Еще одна банзай-атака не спасет детей, и многие жители деревни умрут.

Каждый день я пытался убедить его в том, для чего и где мы будем биться и какие уступки мы получим в результате этих боев.

Война начинается в связи разницы во мнениях и заканчивается вследствие обоюдного согласия, что обе стороны хотят закончить ее. В этом случае основным источником этой разницы является установленный транспортный путь, который пересекает автономную территорию этих людей. Правительство этой страны попыталось не портить отношения с Америкой, они не провели достаточно дискуссий по этому региону и принудили его. Это привело к военному конфликту, военным действиям.

Но эти действия ограничены. Они не могут продолжать всегда побеждать, не могут сражаться вечно. Я подчеркнул это. Взаимное согласие необходимо. Если это возможно, на ранних стадиях.

Патриарх был зол, но отец Джибрил заинтересованно кивнул.

— Итак, что мы собираемся делать? — спросил он. Посмотрев на него, я начал говорить.

Во-первых, собираются ли они сражаться? Если собираются, когда они начнут и как закончат. Мы должны предположить это заранее.

Враги — это правительственные войска и американская армия. Но даже они не могут сражаться бесконечно. Я настаивал на этом. Они не могут вечно суетиться по поводу этого места. Компания не может продолжать заниматься такими войнами и конфликтами. Американская армия же должна быть более занята другими вещами.

— Вы даже беспокоитесь о том, как враг закончит войну? — сказал отец Джибрил так, будто он вот-вот собирался начать аплодировать.

— Если мы собираемся ограничить ущерб до минимума, то да, — ответил я.

На какое-то время воцарилось молчание.

Патриарх начал говорить, тяжело вздыхая:

— Чем это отличается от того, если бы мы сдались в самом начале?

— Сдача принесла бы больше ущерба. Что нужно врагу, так это предостережение. Даже после того, как мы сдадимся, это ничего не изменит. Они могут сделать с нами две вещи. Быть добры к нам по-своему или просто убить нас.

Отец Джибрил горько улыбнулся и сказал:

— Это безумие.

— Безумие? Эта деревня тоже, отправляя им солдат, ждала подходящего момента для удара, так что для них это так же сложно, как и для нас.

Отец Джибрил посмотрел на меня и рассмеялся. Он напомнил мне Лэнсона. Это выглядело как выражение лица отца, смотрящего на своего талантливового сына.

— Человек не станет героем, если у него есть лишь храбрость. Ты действительно собираешься принести рассвет на эти земли?

— О чем это вы?

Отец Джибрил сказал, проигнорировав мой вопрос:

— У тебя есть планы по поводу того, как начать и закончить войну?

— Есть. Пожалуйста, выслушайте, — ответил я.

Рукопожатие под одеждой

Я решил отправить солдат на патруль, как делал это в компании. Хотя масштаб меньше. Все равно что отряд в сравнении с подразделением.

Я отдал строгий приказ: полностью избегать боев и просто убегать. Я также не заставляю их носить оружие. Если мы в любом случае не сможем победить, лучше не слишком нагружать себя.

Если будет атакован непричастный человек, то порядок этих земель и военное положение превратятся в трясину. Потому что население станет чувствовать себя намного хуже. Я рассчитывал не на совесть врага, а на его здравый смысл.

— Становишься все более и более жадным. Независимо от того, насколько низок наш военный потенциал, ты не можешь пользоваться здравым смыслом врага.

Разговаривая сам с собой, я сушил белье перед битвой. Мой галстук и костюм. Омар рассмеялся, полируя винтовку. Когда я нахмурился, он посмотрел на меня серьезно.

— Парень с военным талантом не сможет показать его наличие, если он не в армии.

— То есть?

Положив оружие на колени, Омар сказал мне:

— Ты всегда жил в мире. Думаю, талант просто всегда спал в тебе.

— Я думал, что никогда не смогу использовать его.

— Но благодаря тому факту, что ты пробудил его, жертвы среди детей уменьшатся.

— Разрешая им носить оружие, так? — судорожно возразил я. Охладив свою голову мокрой рукой, я сказал:

— Прости Омар. Я нервничаю. Я благодарен тебе. Очень.

Омар улыбнулся.

— Мы ведь друзья, так?

— Спасибо. Без этих слов я бы сам не додумался, — ответил я.

И потом, не обращая внимания на то, где мы находимся, мы пожали друг другу руки.

Сделав глубокий вдох, я открыл рот. Если мне было, что сказать, думаю, сейчас был единственный шанс.

— Омар. Когда я был на тренировке для новичков, я видел местность, похожую на ту заброшенную деревню. Есть вероятность, что я сделал это. Тренировочный лагерь был в другой стране, поэтому я не могу знать наверняка, но...

— Я так и думал. Ты всегда такой дерзкий, но в тот момент ты вел себя странно.

Ответ Омара был более спокойным, чем я ожидал. Его глаза выглядели спокойными. Мне хотелось заплакать.

— Я не дерзкий. Просто глупый.

— Одно и то же. Ты не можешь определить чью-то значимость сам. Окружение может, — сказал Омар.

— Я горд тем, что ты мой друг. И твоей оценкой окружением.

Передряга

День, когда враг был пойман в сеть патрулей, созданной детьми, был ровно месяцем позже атаки на лагерь.

Сеть становится тонкой вдоль внешней стороны, поэтому вблизи самого дальнего края она распространяется только вдоль дороги. Самая дальняя патрульная линия находится на расстоянии 40 км. И это место, откуда пришел ответ.

По словам патруля, противник сформировал длинный ряд автомобилей — грузовиков и бронемашин. По-видимому, их средняя скорость в час не превышает 50 км.

Когда я получил этот отчет по радио, я решил отозвать патрульную сеть.

Отозвав детей, я оставил лишь минимальное количество следовать за врагом, а остальных отправил обратно в деревню. В следующий раз я буду использовать их в качестве солдат.

Я связался с деревней.

Пока еще темно, мало-помалу я посылаю людей из деревни, чтобы укрыться в руинах. На протяжении ночи дети возвращались один за другим.

Пока я упаковывал пули в рюкзак, я сказал детям, что это нормально, растрачивать их, и отправил каждого на свою позицию.

Омар, выдвинувшийся вместе с детьми, сказал, что все будет хорошо. У меня не было оснований полагать, что так и будет, но я решил улыбнуться.

Я остался в деревне один. Сопя, я наклеил множество карт на одну из стен детской комнаты.

Давайте надеяться, что не будет помех и перехватов. Хотя я слышал о таком чудесном электронном оружии только из историй Омара. Думаю, я не хотел бы встретить что-то подобное сегодня.

Моя половина работы выполнена.

Я увидел Омара и осла за окном. Но не того сломанного робота, а настоящего осла, которого одолжила деревня. Они начали движение: Омар, дети и осел посередине.

Это выглядело так, будто большой черный добрый брат собрался с детьми на пикник. Я горько рассмеялся.

Чтобы забрать высохшие галстук и костюм, я вышел на крыльцо. Там было четыре ступеньки, на которых, обхватив колени, сидела Джибрил. Я попросил ее помочь мне с постиранным бельем. Она согласилась и озадаченная пошла вместе со мной.

С желанием нежно взъерошить ей волосы я хотел сказать, что она замечательная, но сдержался. Когда я был ребенком, то сам возмущался, когда кто-то поступал со мной так же.

Тщательно высушенная одежда ощущается хорошо. Должно быть, солнце было сильным.

Когда я завязывал свой галстук, Джибрил смотрела на меня с очень близкого расстояния. На расстоянии вытянутой руки.

— Завязывание галстука — такое редкое явление?

— Прости.

Смутилась Джибрил.

— Только что я увидела крылья на твоей спине. Великолепные орлиные золотые крылья.

— О чем это ты?

Я рассмеялся.

Не знаю, должны ли золотые орлы умилять или пугать. А может, это легенда племени Джибрил.

— Теперь, когда ты упомянула об этом, ты довольно часто называешь меня беркутом.

— Это животное, которое величественно парит в небесах. Оно приносит рассвет.

подавив в себе желание сказать что-нибудь негативное, я просунул руку в рукав и, повернувшись к Джибрил спиной, спросил, хорошо ли пиджак сидит на плечах.

Она сдержанно поправила его и сказала, что все нормально.

— Я планирую вернуться в Японию, когда закончится эта война.

Неожиданно покраснев, я вспомнил, что София постоянно спрашивала, может ли она поехать со мной в Японию.

Джибрил грустно натянула свой головной убор и скрыла свое лицо.

«Только не влепи мне пощечину», — подумал я. В то же время я был подавлен своим собственным равнодушием. Понимая ее ситуацию, я улыбнулся.

— О, я думал о том, чтобы создать свою собственную частную военную компанию. Как говорит Омар, у меня, видимо, есть военный талант.

Джибрил не могла сказать ничего интересного и просто кивала.

— Омар, скорее всего, пойдет со мной. Я был бы счастлив, если бы все могли пойти со мной. Ну, пока нам нужно буквально заработать военные средства, чтобы перебраться в Японию.

Джибрил вернула головной убор в исходное положение. Она посмотрела на меня слезящимися глазами.

— Но я был бы рад, если бы ты пошла со мной без всех этих отвратительных вещей. Ты согласна? (Под отвратительными вещами Арата имеет в виду то, что девочку хотели выдать за него замуж. — Прим. пер.)

— Все нормально. Я пойду.

Я кивнул, задаваясь вопросом, не ошибся ли я на английском языке в решающей части. Что, если она подумала, что я прошу ее об этих отвратительных вещах.

Во всяком случае, я был поражен, что ее мокрые глаза немного изменились до улыбки, поэтому я не мог удержаться и нежно взъерошил ей волосы.

Ладно, я разрешу недопонимания позже. В первую очередь работа.

Я думал, что София говорит о таких идеалистических вещах из-за влияния климата страны, в которой она выросла. В таком случае мне следует взять с собой Джибрил и остальных детей. Но это не означает, что они должны точно такими же, как София, просто я хочу дать им выбрать свой путь.

Битва начинается

Я был в детской комнате и смотрел на карту на стене, держа рацию в одной руке.

— Это Омар. Я на позиции.

— Ок, Омар. Продвигаемся спокойно.

— Никаких сомнений. Ты привык к этому.

— Ок, вперед.

Убрав руку с кнопки радиопередачи, я посмотрел на карту. Услышав его голос, я представлял ситуацию.

Враг остановил шествие в месте, расположенном в 20 км от деревни, потому что заметил разбросанные мины на дороге. Кажется, один автомобиль был поврежден и создал затор.

Расстояние между автомобилями значительно сократилось.

Затем со всех сторон началась стрельба ракетами.

Я слышал, как Омар говорит: «БИНГО!». Похоже, грузовик взорвался и начал полыхать.

Полагаю, что во время атаки солдаты выскочили из грузовика, но из-за этого хаос на дороге, вероятно, еще больше усилился.

Там летают пули из пулеметов.

Если бы они сдерживали пехоту и тщательно разведывали все маршруты, то могли бы избежать этого, но они, вероятно, не ожидали, что на таком расстоянии от деревни попадут в ловушку. В конце концов, это горная дорога. Она узкая, поэтому отправка пехоты на разведку замедлила бы скорость перемещение примерно на 3 км/ч.

Я расплатился с ними за то, что они сделали со мной во время обучения новичков. Вот что случается, когда ты чувствуешь себя в безопасности из-за того, что до твоей цели еще далеко.

Вы должны были провести патрулирование, но, к сожалению, эта область находится под моей юрисдикцией.

Я получил донесение от детей из команды А. Солдаты врага понесли потери от пулемета.

Слушая донесение, я представил себе ситуацию.

В армиях пулеметы распространены, они не могут нанести никакого ущерба противнику. Это оружие, которое служит для того, чтобы заставить противника спрятаться. То, что он действительно нанес урон врагу, говорит о том, что они не могут даже нормально укрыться.

— Это нормально, если ствол перегреется. Вы можете использовать все пули. Пожалуйста, стреляйте без остановки.

Теперь пришло время воспользоваться ситуацией. Что ж, думаю минут через десять.

Получив донесение от детей из команды D, что в задней части колонны, где все еще безопасно, отступившие солдаты начинают идти в обход, я приказал начать ответное наступление.

Команда D начала стрельбу. Пытавшиеся пойти в обход силы остановлены. В эту группу входят опытные бойцы, которые действуют как команда снайперов. Для обученной пехоты снайперы, которые стреляют точно, более страшны, чем разбросанные пулеметные выстрелы. Вот почему они остановились. Если они покажут характер, игнорируя потери и просто двигаясь в обход... они не станут так делать. Враг хорошо знает, из каких снайперских винтовок были сделаны последние выстрелы. Все подразделение будет уничтожено.

Как я и предсказывал. Согласно донесению, враг прекратил движение. Я был рад здравомыслию врага. Благодаря этому ущерб обеих сторон будет минимальным. Если война — это грубый диалог, то теперь очередь врага говорить. Я хочу поладить с ними.

Хотя у нас получилось их остановить, они превосходят нас числом. Если мы дадим им шанс совершить еще один обход, все будет кончено. В итоге мы будем поглощены.

Прошло десять минут. Сейчас, думаю, уже настал момент, когда противник оправился от хаоса.

Объявив окончание битвы, я распорядился отступить всем подразделениям. Пока нет жертв, мы сбежим. Я приказал им бросить пулеметы. У них нет способности, как у электрических вентиляторов, двигаться автоматически, так что враг, вероятно, заметил бы наши намерения. Но я думаю, что пока все хорошо.

Пулеметы бесполезны для нас, поэтому просто оставим их всех. Также я отдал распоряжение потратить все ракеты. Вдобавок сказав, что если они хотят, они могут также бросить и осла.

Дети без балласта отступили и исчезли в горах. По сравнению с величиной гор человек невелик, но даже этот маленький человек важен, с военной точки зрения.

Потому что его трудно обнаружить.

Врагу нужно продолжать битву, поэтому они, вероятно, не откажутся от оборудования. В этом случае наши незначительные силы смогут убежать. В горах все по-другому.

Предположив, что если враг движется со скоростью 4 км/ч, ладно 3, я заключил, что у нас есть четыре часа.

А пока мне нужно сходить помочиться. Ведь я не могу предстать перед детьми в мокрых штанах.

Окончание долгих воспоминаний

Враг плавно приближается.

Естественно, они не размещают никаких тактических подразделений на дороге, которая ведет к деревне. Это меня беспокоит.

Приказав взрослым бросить оборону деревни и обойти врага со спины, я добавил, что после они вольны делать, что захотят. Также уточнив, что они могут атаковать или не атаковать, но с одним строгим условием, они не должны сдаваться в плен. Если кого-то захотят взять в плен, то лучше умереть ради деревни. Я лишь прибавил, что если они решат атаковать, то я не собираюсь помогать им.

За два часа до назначенного прибытия я поел и покинул деревню вместе с Джибрил. Уже в пути я посмотрел на поля, похожие на рисовые террасы. Это развеселило меня. Тем не менее я не могу вести войну, будучи сентиментальным. Поэтому мне пришлось отвернуться. Но все же меня переполняла любознательность. Мне хотелось еще немного посмотреть.

Затем я занял позицию в довольно отдаленном от деревни месте. А именно разместился в месте, которое не участвует в обороне деревне. В противоположном направлении от противника.

Здесь было несколько траншей, подготовленных для перемещения, а также пара ложных траншей. Три платформы с пулеметами, сделанные Омаром. Это был настоящий лагерь с видом на деревню.

В этом месте был один тактический отряд S, занимающийся подготовкой. Им я буду лично руководить. Мы не собираемся делать ничего сложного, так что меня одного будет достаточно.

Враг остановился на входе в долину. Менее чем в 2 км от деревни.

Вдруг я услышал что-то вроде голоса из мегафона и наклонился, чтобы прислушаться.

— ... — я услышал лишь последнюю часть, в которой упоминался какой-то запрос.

— Я повторяю. Это предупреждение. Освободите пленника, освободите Арату. Если он мертв, отдайте его труп. Если вы не можете сделать это, мы атакуем деревню.

Джибрил широко открыла глаза и посмотрела на меня.

У меня разболелась голова. София. Почему ты всегда делаешь все невпопад.

Не заметив, как горькая улыбка появилась на моем лице, и в тот момент услышав этот голос, я потерял все силы сражаться. Нет, если честно, я с самого начала не думал о сражении.

Вероятно, она выступила волонтером ОО для правительственных войск. Я представил Софию в этом окружении. Она ушла с работы, или компания тоже вовлечена в это? Думаю, второе. Возмездие необходимо для бизнеса. Но они не хотят утратить свой военный потенциал или контрактников, так что они одолжили ОО.

Внимательно слушая трансляцию, я понял, что София говорила голосом, который никогда раньше не использовала. С грустью и серьезностью в голосе она говорила о возвращении моего тела.

Заметив, что кто-то держит меня за рукав, я опустил взгляд. Это была Джибрил. Она покачала своей маленькой головой.

— Ты не должен идти к демону, Арата.

— Это не демон. Скорее джин.

— Это злой джин.

Глупый джин. Нет, скорее джин-неудачник. К тому же с ужасной интуицией. Горько улыбнувшись, я думал, что какой бы она не была, она не злая.

Джибрил смотрела на меня, задержав свое дыхание, словно этот момент продлится вечность.

— Все нормально. Я не пойду туда.

С надетым головным убором она вытирала слезы обратной стороной ладоней.

— Я рада слышать это. Правда рада.

— Но теперь у меня проблема.

Сейчас я в безопасности, но теперь, будучи врагом, я не смогу связаться с ними.

Честно, я не думал о борьбе, но, если я раскрою свое имя здесь и сейчас, план будет разрушен.

Немного подумав, я понял, что переживал за Софию, но у меня не было другого выбора, кроме как молчать.

У меня на самом деле было чувство, что я делаю что-то плохое. Черт тебя побери, София, у меня проблема. Мы не во всем соглашались, но у меня тоже есть чувства по поводу нашей своеобразной дружбы.

Хотя, даже если я вернусь в компанию, будущее деревни и детей будет в тумане. Мой план рушится.

В итоге я посмотрел на взволнованное лицо Джибрил и принял решение. Если мне нужно выбрать между девушкой и детьми, то для 30-летнего мужчины разумным выбором будут дети. Хотя я и говорю о девушке, но я не могу представить, чтобы она могла стать моей возлюбленной, или, вернее, я даже испытываю дрожь, когда это себе представляю. Если бы мы были вместе, мои нервы наверняка стачивались бы каждый день, словно наждачной бумагой. Пока, в конце концов, это бы меня не убило.

Положив свою руку на голову Джибрил, что выглядела так, как будто вот-вот заплачет, я подумал, что самое время показать актерские способности 30-летнего. Думаю, это здорово, что мне 30. Будучи подростком, я был слишком невинным, в 20 я просто плыл по течению, так что я точно не смог бы выбраться из всего этого.

— Мы продолжаем согласно нашей стратегии. Действуем по плану, — сказал я с достоинством. Застывшие дети вернулись к жизни и посмотрели на меня. Они начали занимать позиции.

Терпение Софии закончилось через десять минут.

Артобстрел. Пронзительный свист. Вдали от села разрывается снаряд.

За все время, что я провел в компании, мне не довелось увидеть ничего схожего с этим, но мне кажется, что это все же минометный обстрел. Хотя это оружие уже устарело, но оно до сих пор довольно часто используется. Я слышал, что, вероятно, некие экстремисты обстреливали им императорский дворец.

Непрерывно, даже с некоторым изяществом, проводился минометный обстрел. Эти громкие звуки, словно музыка войны, напоминающие звук бумажной хлопушки. Если так и будет продолжаться, то скоро они начнут бить по селу. Возможно, что в прошлом люди так же убивали друг друга, слушая эту глупую музыку.

«Ну, сейчас это уже не важно, время на раздумья будет после. Или до».

Надев наушники, я сказал так серьезно, как мог:

— Я много времени размышлял о том, как закончить эту войну. Сейчас все идет отлично. Давайте сохранять спокойствие, чтобы все так и продолжалось.

Мальчики и девочки вокруг меня закивали головами. Надеюсь, мои глаза меня не предадут.

Сказать по правде, именно поэтому я старался говорить так серьезно, что не очень мне подходило.

При формировании построения я со своими мыслями окунулся в прошлое. В Токио, когда у меня не было ни гроша за душой.

Я улыбнулся. В прошлом я лишь совершал ошибки и не сказал бы, что теперь все хорошо. Но я просто не мог позволить всему так закончиться.

— Даже если заканчивается одна война, затем начинается другая. Не забудьте место, где мы должны встретиться, — сказал я и взмахнул рукой, командуя начало.

Обстрел начал переходить на деревенские строения. Они загорелись и начали рушиться. Казалось, уже было достаточно разрушений, но, может, из-за отсрочки или лишних снарядов тщательная бомбардировка началась снова. Наблюдая за этим, я подозревал, что это специальные снаряды для разрушения домов.

Разрушение строений несло в себе значение. Обычно, когда враг оккупирует деревню, он принимает стратегию удержания крепости. Ты окружаешь здание, и пальбе не будет конца. Важно избегать таких трудностей. Если в зданиях нет необходимости, то лучше уничтожить их — вот так делаются дела в нашем бизнесе.

Видя, как бронированные машины ворвались в город и оружейные башни на них двигались и стреляли, я с интересом задумался, будут ли они палить по любой колышущейся занавеске?

Улыбнувшись, я думал о том, что там не было ни единого человека. Дети, чьи дома были разрушены, не были счастливы, но я сказал им:

— До тех пор, пока люди живы, все хорошо.

По всей видимости, у меня спокойное отношение к таким вещам. Но я не планирую менять это.

Уничтожение деревни важно для моего ритуала прекращения войны. Неторопливо я посмотрел на все происходящее.

Следом они начали прибывать один за другим. Солдаты начали высаживаться из броневинов.

Они осмотрелись по сторонам. Настало время.

Я взмахнул рукой. Начинается одновременная атака с высоты. Дома горят, и из-за дыма обзор ухудшился. Цель трудно распознать, но я не хотел бы смотреть на вражеские трупы, поэтому и подумал, что так даже лучше. Мне также было жаль Софию из-за уменьшения ее счета.

Второй раз за сегодня неожиданная атака вызвала огромный хаос.

Даже если бы они знали наши позиции, пушки на бронированных машинах все же не имеют такого угла возвышения, чтобы стрелять сюда. Если они начнут взбираться по рисовым террасам, то будут расстреляны сверху, без возможности ведения ответного огня. Следующим их шагом будет смена цели минометов.

Подождав десять минут, я увидел начало минометного обстрела. Они до сих пор отклоняются на запад. Сегодня восточный ветер силен. Воздушный обстрел также отклонился к западу.

Из-за взрыва снарядов стало еще больше дыма. «Я очень рад, что это не я, а София открыла нам путь к отходу», — подумал я и отдал команду скрыться в дыму и отступить.

Идеальное отступление. Теперь мы можем выкинуть все оружие. Ограничив количество несчастных случаев до минимума и дав оппоненту возможность политической победы. Это был мой план завершения войны.

Это был метод достижения политических амбиций. Когда враг может достичь своих целей, он теряет всякое желание продолжать борьбу. Вот к какому выводу я пришел. Более конкретно, в то время как врагу был нанесен определенный ущерб, его база — деревня — была уничтожена, было захвачено большое количество оружия и боеприпасов, и враг был вынужден отступить. Это можно расценивать как хороший исход. Этого достаточно. Таковы плоды войны, как я и объяснил раньше. Неважно, сколько из нас или гражданских лиц они убили в этот раз. Никому этого не сообщат. Потому что даже нулевое количество не имеет значения.

Думая о том, каково должно быть положение командира противника, я пришел к некоторым выводам. Поскольку на стороне противника были жертвы, командиру потребуется какая-то гарантия после такой ожесточенной битвы, поэтому он, вероятно, будет максимально подчеркивать тот факт, что он уничтожил основную базу противника — деревню. Это нормально. У другой стороны, вероятно, есть воля сражаться до победного, но наверняка не до такой степени, чтобы сражаться уже после победы.

«Предполагая, что для врага топографически это всего лишь точка маршрута, он, вероятно, не захочет уделять ей внимание, избегая неприятностей в регионе. Нет никаких сомнений в том, что, как только он завершит захват деревни, он покинет эту неприятную землю. С другой стороны, для людей из разрушенной деревни, хотя с их стороны человеческих жертв нет, врагу они причинили серьезный удар. Деревня может заявить о собственной победе, и таким образом война закончится провозглашением победы обеими сторонами, без столкновений. И здесь я достиг точки компромисса — именно этого я и стремился добиться в своем плане. Я ожидаю сознательных действий от каждой ответственной стороны после окончания конфликта», — подвел я итог.

С этого момента мне не нужно волноваться об этом. Переживать только за себя и тех, кто меня окружает, — вот что я решил.

Также я решил оставить одну из карт в военном лагере. На обратной стороне я написал на английском: «Береги себя, София».

Она, вероятно, не заметит этого, а если и заметит, это сделает ее неоправданно грустной, но, думаю, это лучше, чем ничего.

Прогуливаясь посередине выкопанного связного канала, который шел из траншеи, я поправил свой галстук.

Улыбнувшись, я подождал, пока Джибрил робко протянет мне руку, и, взяв ее, я проскользнул в дым и сбежал.

Я устроил что-то вроде пикника с детьми, у которых были лишь коробки для ланча. Все же я однажды хотел бы устроить пикник в землях Японии. Взять детей и осла. От всего сердца я

подумываю устроить с ними пикник. Сегодня это что-то вроде репетиции.

Возвращение в Японию

Япония из самолета всегда казалась странно одинаковой. Или это просто сама страна не менялась.

Посмотрев за свое сиденье, я увидел детей. Там их было двадцать четыре, так что все было в порядке. Сейчас они собираются осуществить въезд в страну с туристической визой. Некоторые нервничали, отдельные не могли успокоиться без оружия в руках, третьи спали, как бревна, а другие смотрели на меня. Джибрил была одной из последних. Что ж, все, вероятно, беспокоятся. Они раньше не летали на самолете и знают Японию как страну аниме только из историй.

Скоро посадка. Я улыбнулся и посмотрел вперед.

Мы садимся. Надпись на японском: «Добро пожаловать в Японию».

Аэропорт Нарита в качестве входа в Японию похуже, чем Ханеда. Мне так хотелось показать им Ханеда — это было глупо.

— Тут тише, чем вы думали, не так ли? — сказал я, доставая багаж. Девочка в головном уборе и с рассеянным взглядом согласилась.

— Тут правда так тихо?

— Да.

Улыбнувшись, я подумал, что все-таки хотеть показать им роскошный аэропорт — это так по-детски. Все же я должен вести себя как взрослый. А если нет, то Джибрил и остальным придется быстрее повзрослеть.

— Что насчет Омара, который прибыл раньше?

— Я слышал, он ест тэмпуру.

— Ясно. Может, нам тоже поесть?

Джибрил согласилась и пошла со мной.

Когда мы шли по аэропорту, она раскрыла свое лицо и, после того как понаблюдала за проходящими женщинами, рысью ринулась ко мне, спросив, не стыдно ли мне.

Подумав немного, я горько улыбнулся.

— Сказать по правде, мне немного стыдно. Ведь меня слишком долго не было в Японии.

Все же я не вернулся в Японию, я начал продвигаться в ней. Будь то Такаси́ма или другие места, в этой стране много негласных потребностей. Можно также создать кампанию по сбору средств в Интернете по поводу использовании военной силы в будущих конфликтах. Здесь есть

много потенциальных клиентов.

Продвижение в Японии пройдет хорошо, несомненно.

Конец 1 тома.

<http://tl.rulate.ru/book/3595/119546>